

КАНТ И РЕЦЕПЦИИ КАНТИАНСТВА

УДК 165.2

КОГНИТИВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ: МЕЖДУ КАНТОМ И ВЫГОТСКИМ

Ф. С. Герасимов

независимый исследователь (г. Воронеж)
f308@inbox.ru

Аннотация. Статья затрагивает проблематику исторического развития мышления. Рассматривается один из подходов к эволюции когнитивных способностей человека – когнитивная археология. Определяется специфика когнитивной археологии и ее отношение к более широким дискуссиям об эволюции разума. Показывается, что в общетеоретическом, мировоззренческом плане одно из направлений когнитивной археологии опирается на эволюционную психологию (в широком смысле) и свойственные ей (квази)кантианские мировоззренческие установки. Второе направление связано с признанием значительной роли материальности, предметно-практической коллективной деятельности в формировании разума, и в этом отношении оно гораздо ближе к идеям культурно-исторических подходов, чем к кантианству. Утверждается, что современное состояние дисциплины соотносимо с культурно-историческим подходом.

Ключевые слова: когнитивная археология, эволюция разума, материальное вовлечение, артефакты, практика.

Для цитирования: Герасимов, Ф. С. (2024). Когнитивная археология: между Кантом и Выготским. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 2. С. 9-17. DOI: 10.47850/RL.2024.5.2.9-17

COGNITIVE ARCHAEOLOGY: BETWEEN KANT AND VYGOTSKY

Ph. S. Gerasimov

Independent Researcher (Voronezh)
f308@inbox.ru

Abstract. The paper touches upon the problems of historical development of thought. One of the approaches to the evolution of human cognitive abilities – cognitive archaeology – is considered. The relation of cognitive archaeology to broader debates about the evolution of mind and its specificity is defined. It is shown that in general theoretical and worldview terms, one of the branches of cognitive archaeology is based on evolutionary psychology (in the broad sense) and its inherent (quasi-)Kantian worldview. The second branch is associated with the recognition of the significant role of materiality, material and practical collective activity in the formation of the mind, and in this respect it is much closer to the ideas of cultural-historical approaches than to the Kantian approach. It is argued that the current state of the discipline is predominantly associated with this second strand.

Keywords: cognitive archaeology, evolution of mind, material engagement, artefacts, practice.

For citation: Gerasimov, Ph. S. (2024). Cognitive Archaeology: Between Kant and Vygotsky. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 2. Pp. 9-17. DOI: 10.47850/RL.2024.5.2.9-17

I

В настоящее время широко признано, что когнитивные способности человека имеют историю. Задача проникнуть в «умы» людей предшествующих эпох ставилась и решалась специалистами различных областей: философами, историками, социологами, психологами. Предпринимали такие попытки и археологи. Результатом их усилий стала возникшая около пятидесяти лет назад Когнитивная археология (далее – КА). Эта дисциплина, практически не освещенная в русскоязычных публикациях, ставит своей задачей «изучение образа мышления прошлого по материальным остаткам» [Renfrew, 1994]. Ставя целью понять, как и о чем думали люди прошлого, теоретики и практики КА вынуждены отвечать на два вопроса: каким способом мы можем реконструировать их мышление, и насколько полно мы можем провести такую реконструкцию [Wynn, Coolidge, 2022].

Ответ на второй вопрос определяет два основных направления КА: идеационную КА, стремящуюся воссоздать целостную систему идей, понятий и представлений наших предков, и КА в собственном смысле, реконструирующую когнитивные процессы, необходимые для осуществления той или иной археологически зафиксированной деятельности. В этом случае предполагается, что КА описывает минимально необходимый набор когнитивных процессов [Killin, Pain, 2023], а все возможные процессы сверх этого набора ускользают от внимания.

Что касается первого из этих вопросов: каким способом можно понять особенности мыслительных процессов наших предков, какие теории и гипотезы необходимо использовать, КА вынуждена обращаться к разнообразным научным и философским подходам к эволюции разума. За время существования этой дисциплины были испробованы, кажется, все наиболее влиятельные концепции от психологии Пиаже до 4E подходов к познанию. Можно утверждать, что КА стала своего рода полигоном для философии и когнитивной науки. Соответственно, в статье мы выделим основные группы дискуссий, касающихся исторического развития когнитивных функций, и определим общие для них мировоззренческие установки, затем определим специфическое отношение КА к этим дискуссиям, и будем утверждать, что изначально кантианская направленность КА постепенно уступает полагающим тождество бытия и мышления (деятельностным) подходам.

II

Многочисленные современные подходы и теории, касающиеся эволюции разума, можно условно сгруппировать вокруг пяти основных тем, вызывающих наиболее широкие дискуссии. Мы кратко опишем четыре из них, оставляя дебаты о связи языка и мышления в стороне.

1. Начавшись с дискуссии нативистов и эмпириков, затрагивая Пиаже, Хомского и Фодора, первая группа дебатов исходила из вычислительной модели разума и касалась применимости эволюционных подходов. Она связана, так или иначе, с эволюционной психологией (ЭП). ЭП в узком смысле предлагала массово-модульную модель разума. Однако такая модель столкнулась со значительными эмпирическими и теоретическими сложностями. Так, например, стало очевидно, что в ходе онтогенеза происходят процессы модуляризации (образование модулей из более общих структур) и обратные процессы «укрупнения» модулей; была показана необходимость постулирования некоторых

надмодульных механизмов и учета процессов развития. ЭП в широком смысле учла эти ограничения и включила идеи развития и взаимосвязи, взаимозависимости развивающегося организма со своей нишей. Современные споры здесь касаются того, как понимать процессы развития. Одни теоретики все же связывают себя с ЭП в узком смысле и с адапционистской программой. Отказавшись от массивной модульности, они предполагают наличие «базовых знаний», низкоуровневых когнитивных примитивов или неких скелетных компетенций, которые в обычных предсказуемых условиях развиваются в видотипичную модульную архитектуру, обеспечивая адаптивное поведение и познание (Кери, Бйорклунд, Гири, Сэмюэлс и др.). Другая группа выступает за относительно слабые врожденные ограничения (или вообще отрицает их). При этом утверждается, что когнитивные структуры и функции возникают в результате динамических взаимодействий между организмом (в т. ч. мозгом) и средой, создавая типичные для вида закономерности когнитивного развития (Ньюкомб, Ликлитер, Визерингтон, Овертон).

2. Вторая группа дискуссий касается роли культуры в когнитивном развитии. Для эволюционной психологии культура – это эпифеномен эволюционировавшего модульного разума, который продуцирует универсальную для всех людей метакультуру. Никакого влияния культуры на мышление здесь не предполагается. Иное понимание, предложенное Бойдом и Ричерсоном, заключалось в том, что культура представляет собой, наравне с генетикой, особую систему наследования (а значит – репликации, отбора, вариации). Она передается между поколениями и внутри них посредством имитации, эмуляции и процессов обучения. Культура здесь – информационный феномен, транслирующийся социально, однако допускается влияние культуры на генетику. Некоторые современные авторы признают необходимость специализированных точных механизмов культурной передачи и наличие специфических адаптаций для культурного обучения, признают ведущую роль отбора культурных групп, более склонных к культурному обучению, и предполагают формирование «когнитивных гаджетов» в результате такого отбора (Хейес, Месуди, Хенрик). Другие теоретики, выступая против такого откровенно селекционистского понимания культуры, утверждают, что человек сам создает и трансформирует свою культуру. Передача культуры основывается, главным образом, не на подражании или обучении, а на когнитивных механизмах, таких, как аргументация, демонстративная коммуникация или избирательное доверие (Спербер, Морин). Наконец, третьи в своих исследованиях опираются на понятие ниши (Лаланд, Одлинг-Сми). Они расширяют теорию двойного наследования, добавляя систему экологического наследования.

3. Третья группа дебатов связана с изучением значения немозговых факторов, в том числе артефактов и, шире, материальности для когнитивных процессов. Так сложилось, что она связана с дарвинизмом гораздо меньше, чем первые две группы. Одной из первых резонансных англоязычных попыток разобрать связь КН, психологии и артефактов была работа Мерлина Дональда «Происхождение современного разума» (1991), в которой материальная культура понималась как «внешнее символическое хранилище». Однако полноценно артефакты «вошли» в КН после работы Кларка и Чалмерса о расширенном познании. В настоящее время эти дискуссии связаны с семейством подходов, обычно называемых ситуативным (situated) познанием. В него входят 4 Е-подхода и распределенное познание Эдвина Хатчинса. Они объединены антивычислительной

направленностью, но в остальном часто обнаруживают противоречия. Они различаются, среди прочего, по вопросам о когнитивном агенте и о самости, о роли материальных объектов в познании, о том, какие системы можно вообще считать когнитивными и каковы границы таких систем. Результатом дискуссий этой группы является признание того, что внемозговые процессы, а также внешние предметы, как естественные, так и искусственные (и деятельность с ними), являются необходимыми элементами когнитивной системы человека, входя в нее как неотъемлемые компоненты, и /или непосредственно участвуя в ее формировании и трансформации. Следовательно, понимание как филогенеза, так и онтогенеза разума невозможно без анализа предметной деятельности человека.

4. Заключительная большая группа дискуссий касается социальной природы разума. Индивидуалистические подходы длительное время доминировали в КН, и лишь недавно положение стало меняться. Рассмотренные в предыдущем пункте подходы отказываются от вычислительного понимания разума и намечают переход от интернализма к экстернализму. Однако, при внимательном рассмотрении, это очень специфический экстернализм – своего рода форма расширенного интернализма. Конечно, разум перестает быть свойством мозга (даже мозга, снабженного телом) и становится свойством обособленного мыслящего тела, вооруженного внешним предметом; но это разумное тело не связано необходимым образом с другими такими же телами, существует и мыслит отдельно от них. В противоположность такому специфическому расширенному интернализму, явно экстерналистские подходы ищут сущность разума в более широкой системе социальных отношений. На самом деле, таких подходов не так много. Сюда относятся концепции динамических систем развития, распределенное познание, третья волна 4E подхода, теории практики и культурно-исторические деятельностные подходы. В целом, главным для этой группы дискуссий является их внимание к взаимодействию не как к обмену информацией между уже сформированными, предзаданными индивидами, а как к процессу взаимоконструирования мыслящих индивидов, включенных в различные виды совместной, социальной деятельности. При этом оффлайн познание (Менари) является филогенетически вторичным, производным от онлайн-познания, а способность индивидов к когнитивной деятельности формируется уже существующими практиками, структурой общества и доступными способами деятельности, включая дискурсивные практики (Рауз, Шацки).

III

Говоря о философских основаниях этих дебатов, необходимо четко понимать, что участвуют в них, преимущественно, ученые. Соответственно, отношение здесь к философским идеям имеет определенные особенности. Во-первых, часто их использование строго инструментально: берутся отдельные идеи, которые можно непосредственно применить в практических или иллюстративных целях. Во-вторых, философские идеи образуют некоторый мировоззренческий фон исследования, опять же, без детальной проработки и рефлексии. Именно в этом, втором, случае можно утверждать, что «доминирующей моделью разума в современной когнитивной науке является кантианская» [Brook, Wuerth, 2023].

Имея в виду эти соображения, представляется, что первые две группы дебатов, действительно, кантианские (квази-кантианские) в том смысле, что если знание становится возможным благодаря человеческим способностям, то оно должно определяться этими самыми способностями. Другими словами, знание в случае с людьми – это человеческая конструкция. Кантовские категории разума были основными объектами исследовательской программы Пиаже. Его понятие схемы устанавливает связь между чистыми понятиями и объектами опыта. Но, в отличие от Канта, для Пиаже априорные структуры не являются предустановленными, а развиваются постепенно. Неопиажетианские теории заменили схемы и структуры рассуждения ограничениями на представление и обработку информации [Demetriou, Spanoudis, 2018]. Примерно в это же время Лоренц утверждал, что необходимо добавить эволюционное измерение к априоризму, и в этом случае организация переживающего субъекта «априорна» для индивида, «но ее функция обусловлена исторически и не является логической необходимостью» [Lorenz, 1978, p. 9]. Концепция эволюционной адаптации предоставляет нам средства, с помощью которых можно реконструировать кантианские неизменные априорные структуры восприятия и познания как исторически изменчивые. Эту линию продолжают Туби и Космидес [Cosmides, Tooby, 1994, p. 99], недвусмысленно описывая свою точку зрения как «эволюционную кантианскую позицию». Эволюционная психология натурализует философию Канта, объясняя в биологических терминах, как взаимодействие когнитивных структур с миром-в-себе конституирует «мир таким, каким он представляется организму». Некоторые авторы утверждают даже, что одобрение Кантом принципа, «согласно которому в “организованном существе” не будет “инструмента” для какой-либо цели, который не был бы “наилучшим образом приспособлен к ней”» – наиболее весомый аргумент в пользу гипотезы массивной модульности [Over, 2003].

Дискуссии, относящиеся к третьей группе, также можно рассматривать как соответствующие духу кантианской программы, как ее определяет В. А. Бажанов. Трансцендентальный субъект оказывается не просто исторически-обусловленным субъектом, но и ситуативно определенным «спецификой познавательной деятельности и ее исторической обусловленностью, некоторыми (нейро)биологическими и социально-культурными особенностями активности субъекта познания» [Бажанов, 2019, с. 60]. При этом авторитетная функционалистская интерпретация Канта, предложенная Бруксом [Brooks, 2004], пересматривается в направлении признания активности и спонтанности познающего субъекта. Утверждается, что гипотезы воплощенной и энактивной когнитивной науки в значительной мере соответствуют идеям Канта о спонтанности, реализующей организацию и синтез сенсорных стимулов [Schlicht, Newen, 2015]. Кроме того, аргументация Канта, по мнению некоторых авторов, показывает, что разум в той мере, в какой он касается «внутреннего чувства» или «внутреннего опыта», невозможен без расширения: «... предположительно “внутренние” категории разума, которые служат для формирования нашего внутреннего опыта, также связаны с расширением. Они, в некотором смысле, “предвосхищают” расширение» [Haeck, 2020]. Также и концепция прогностической обработки весьма близка с кантианством [Swanson, 2016]. В целом, эти идеи можно отнести

к умеренному априоризму, суть которого заключается в «признании активности субъекта, определяемой совокупностью его знаний и представлений, имеющей, разумеется, исторический характер, – активность, которая предписывает ракурс видения и расчленения реальности» [Бажанов, 2019, с. 265].

Тем не менее, некоторые подходы, относящиеся к третьей и четвертой группам дискуссий, предполагают отход даже от столь широко понимаемой кантианской программы. Акцент на практике и социальной материально-опосредствованной деятельности полагает совпадение бытия и мышления в предметно-практической деятельности. Противоречие между вещь-в-себе и трансцендентальным субъектом снимается в праксисе. Когнитивные способности коллективного социально-исторического субъекта больше не представляют собой «сеть, забрасываемую в реальность», а активно формируются в практической деятельности в соответствии с закономерностями окружающего мира, несут на себе отпечаток этого мира. Реальность сама предписывает ракурсы видения и расчленения объектов. Субъект здесь, конечно, активен, но ни в какой степени не априорен.

IV

Вернемся теперь к когнитивной археологии. Как мы уже отмечали, в поисках своего метода и его обоснования, КА обращалась к различным теориям. Но в силу специфики своего предмета КА не может игнорировать предметную деятельность и орудия такой деятельности. В фокусе ее рассмотрения всегда находятся орудия, артефакты. Возникнув как попытка Томаса Винна описать пространственное познание гоминид с помощью теории когнитивного развития Пиаже, КА значительное время рассматривала артефакты только как свидетельства наличия или отсутствия тех или иных способностей. С этих работ Винна начала формироваться линия Эволюционной КА, близкая к адапционизму и эволюционной психологии. В рамках этой линии рассматривалась эволюция интеллекта, рабочей памяти, эмоций и социального взаимодействия. Орудия, хотя и предоставляли возможность познания этих черт в популяциях предков, не оказывали никакого влияния на их развитие. Такое же отношение к орудиям как к прокси наших когнитивных способностей характерно и для другого известного археолога Стивена Митена. Опираясь на модель множественного интеллекта Гарднера, он исследовал общие когнитивные способности людей для создания отличительного человеческого культурного репертуара. Хотя и Винн, и Митен резко критиковали эволюционную психологию в узком смысле, их взгляды вполне совместимы с широким эволюционным пониманием развития мышления. Соответственно, в широком мировоззренческом смысле их подход соответствует (квази)кантианству эволюционной психологии.

Но почти одновременно с работами Винна были заложены основы второй линии в развитии КА. Общепринятого названия у этой линии нет, но она связана с сомнениями в применимости дарвинизма для анализа когнитивных феноменов и с особым вниманием к роли материальных объектов в конструировании разума. Ее возникновение связано с инаугурационной лекцией Колина Ренфрю в Кембридже (1982 г.), где впервые прозвучал термин «Когнитивная археология». Однако дальнейшего обозначения программы исследований дело до середины 90-х гг. не продвинулось, за исключением работ Нобла и Дэвидсона, основанных на экологической психологии Гибсона и идеях Выготского. В 1998 (в связи

с обсуждением книги М. Дональда) и 2001 г. Ренфрю пишет статьи, основная мысль которых заключается в том, что в системах социальной деятельности материальный символ возникает до понятия. Здесь вводится понятие «вовлечение» (engagement, в переводе Клейна – приспособление [Клейн, 2011, с.440]). И теория материального вовлечения (MET) [Фаликман, 2017], развитая впоследствии Малафурисом и другими авторами, становится ведущей теорией данной линии КА. Разум здесь рассматривается как воплощенное, расширенное и энактивное целое, что означает, что разум един с материальным миром, где под «материальным миром» понимаются наши тела, окружение и действия в этом окружении [Malafouris, 2013]. Такой взгляд подразумевает, что разум должен быть явно закреплен в какой-то телесной форме в материальном мире [Abramiuk, 2021], а материальный мир через артефакты воздействует на людей, изменяя их системы восприятия, мышления и ограничивая их действия. Вслед за Выготским, артефакты в этой линии КА понимаются как «строительные леса» разума, т. е. как посреднические структуры, использующиеся как часть процессов развития и как поддерживающие конструкции человеческого познания. Эта линия совместима не с идеями Канта (даже в максимально общей форме), а с культурно-историческим подходом школы Выготского.

Таким образом, мы выделили две линии в развитии когнитивной археологии. Первая из них опирается на эволюционную психологию (в широком смысле) и свойственные ей (квази)кантианские мировоззренческие установки. Вторая линия отходит от дарвинизма в сторону подходов, связанных со значительной ролью материальности, предметно-практической коллективной деятельности, т.е. в сторону подходов, утверждающих тождество мышления и бытия, достигаемого в исторически определенной опосредствованной деятельности. При этом нужно отметить, что представители первой линии постепенно принимают и начинают поддерживать вторую – выготскианскую – линию [Mithen, Parsons, 2008; Overmann, Wynn, 2019], размыкая когнитивную систему человека в материальный мир и рассматривая их во взаимосвязи и взаимоконституировании.

Список литературы / References

Бажанов, В. А. (2019). *Мозг – культура – социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях*. М. 288 с.

Bazhanov, V. A. (2019). *Brain – culture – society: the Kantian programme in cognitive research*. Moscow. 288 p. (In Russ.)

Клейн, Л. С. (2011). *История археологической мысли*. Т. 2. СПб. 624 с.

Klein, L. S. (2011). *History of archaeological thought*. Vol. 2. St. Petersburg. 624 p. (In Russ.)

Фаликман, М. В. (2017). Новая волна Выготского в когнитивной науке: разум как незавершенный проект [Электронный ресурс]. *Психологические исследования*. Т. 10. № 54. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/361> (дата обращения: 25.02.2024).

Falikman, M. V. (2017). New Vygotskian wave in cognitive science: The mind as an unfinished project [Online]. *Psychological Research*. Vol.10. No. 54. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/361> (Accessed: 25 February 2024). (In Russ.)

Abramiuk, M. A. (2021). Evolutionary Psychology and Archaeology. In Shackelford, T. K. (ed.). *The SAGE Handbook of Evolutionary Psychology. Integration of Evolutionary Psychology with other Disciplines*. Pp. 257-282.

Brook, A. (2004). Kant, cognitive science, and contemporary neo-Kantianism. *Journal of Consciousness Studies (special issue)*. No. 11. Pp. 1-25.

Brook, A., Wuerth, J. (2023). Kant's View of the Mind and Consciousness of Self [Online]. In Zalta, E. N. & Nodelman, U. (eds.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2023 Edition)*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/kant-mind/> (Accessed: 25 February 2024).

Cosmides, L., Tooby, J. (1994). Origins of domain specificity: The evolution of functional organization. In Hirschfeld, L. A. and Gelman, S. A. (eds.). *Mapping the mind: Domain specificity in cognition and culture*. Cambridge University Press. Pp. 85-116.

Demetriou, A., Spanoudis, G. (2018). *Growing minds a developmental theory of intelligence, brain, and education*. London. Routledge. 333 p.

Haeck, L. (2020). A Kantian Take on Mind Extension. *Undergraduate Philosophy Journal of Australasia*. Vol. 2. Iss. 2. Pp. 1-18.

Killin, A., Pain, R. (2023). Cognitive Archaeology and the Minimum Necessary Competence Problem. *Biological Theory*. Vol. 18. Iss. 4. Pp. 269-283.

Lorenz, K. (1978). *Behind the mirror*. New York. A Harvest / HBJ book. 261 p.

Malafouris, L. (2013). *How things shape the mind: A theory of material engagement*. Cambridge, MA. MIT Press. 304 p.

Mithen, S., Parsons, L. (2008). The Brain as a Cultural Artefact. *Cambridge Archaeological Journal*. No. 18. Pp. 415-422.

Over, D. (2003). The rationality of evolutionary psychology. In Bermudez, J. and Millar, A. (eds). *Reason and Nature: Essays in the Theory of Rationality*. Oxford. Oxford University Press. Pp. 187-207.

Overmann, K. A., Wynn, T. (2019). On tools making minds: an archaeological perspective on human cognitive evolution. *Journal of Cognition and Culture*. No. 19. Pp. 39-58.

Renfrew, A. C. (1994). Towards a cognitive archaeology. In Renfrew, C. and Zubrow, E. (eds.). *The Ancient Mind: Elements of Cognitive Archaeology*. Cambridge. Cambridge University Press. Pp. 3-12.

Schlicht, T., Newen, A. (2015). Kant and Cognitive Science revisited. *History of Philosophy and Logical Analysis*. Vol. 18. Iss. 1. Pp. 87-113.

Swanson, L. R. (2016). The Predictive Processing Paradigm Has Roots in Kant. *Frontiers in systems neuroscience*. No. 10. Pp. 1-13.

Wynn, T., Coolidge, F. L. (2022). *An Introduction to Evolutionary Cognitive Archaeology*. New York and London. Routledge. 136 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Герасимов Филипп Сергеевич – независимый исследователь, г. Воронеж, e-mail: f308@inbox.ru

Статья поступила в редакцию: 15.04.2024

После доработки: 20.05.2024

Принята к публикации: 03.06.2024

Gerasimov Philipp – independent researcher, Voronezh, e-mail: f308@inbox.ru

The paper was submitted: 15.04.2024

Received after reworking: 20.05.2024

Accepted for publication: 03.06.2024